

Д.А. Вольхин¹, А.Б. Швец², И.М. Яковенко³

КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В КРЫМУ

АННОТАЦИЯ

Рассматривается методика получения и картографической интерпретации информации, выявленной в процессе исследования сельских территорий Крыма. Сельские территории этого региона представлены как пространство, альтернативное традиционному рекреационному использованию Крымского полуострова. Подобный подход позволил выделить геоconcept «Иной Крым». Границы этой территории имеют комплексный – природный и административный – характер, что позволило выделить ключевые точки исследования с привязкой к основным ландшафтно-геоморфологическим районам Крыма. Предложена программа исследования сельских территорий Крыма по двум тематическим блокам: выявление трансформационной динамики системы сельского расселения в границах всего Крыма и выявление проблематики сельского образа жизни в пределах «Иного Крыма». Результатом исследования пространственно-временной картины системы сельского расселения в Крыму стала карта «Сельское расселение Крыма». Карта иллюстрирует изменения численности сельского населения и плотности его расселения по результатам переписей 1989–2014 гг. Сделаны выводы о сокращении сети сельских населенных пунктов и депопуляции крымских сел в постсоветский период; увеличении удельного веса малых сел с численностью населения менее 200 чел. (28 %) и сельских поселений с числом жителей более 3000 чел. (6 %); изменении функций приморских сельских населенных пунктов с сельскохозяйственной на рекреационную, что положительно сказалось на их демографической ситуации; сохранении пространственной неравномерности сельского расселения Крыма. Предложены результаты социологического опроса общественного мнения жителей 30 сельских поселений в 14 муниципальных районах Республики Крым и в сельских населенных пунктах, входящих в пределы города федерального значения Севастополь. Сельский образ жизни проиллюстрирован картами структуры проблемного поля сельских территорий Крыма и перспектив проживания в них жителей полуострова; оценочных карт доходов сельских жителей и типологии сельских территорий по уровню доходов. Выявлены основные проблемы сельского образа жизни в нерекреационных территориях Крыма: вымывание крестьянского образа жизни, сокращение личных хозяйств сельских жителей, повышенная мобильность жизни сельских жителей, восприятие эмиграции из сел Присивашья и Керченского полуострова как главного способа решения бытовых, социальных и экономических проблем, наличие острой проблемы сохранения ценностей сельского образа жизни в молодежной среде.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сельские территории, сельский образ жизни, социальная картография, картографический сюжет, Крым

¹ ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Институт «Таврическая академия», факультет географии, геоэкологии и туризма, пр-т Академика Вернадского, д. 4, 295007, Симферополь, Россия; e-mail: lomden@mail.ru

² ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Институт «Таврическая академия», факультет географии, геоэкологии и туризма, пр-т Академика Вернадского, д. 4, 295007, Симферополь, Россия; e-mail: fusion10@mail.ru

³ ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Институт «Таврическая академия», факультет географии, геоэкологии и туризма, пр-т Академика Вернадского, д. 4, 295007, Симферополь, Россия; e-mail: yakovenko-tnu@ya.ru

Denis A. Volkhin¹, Alexandra B. Shvets², Irina M. Yakovenko³

CARTOGRAPHIC INTERPRETATION OF THE STUDY OF RURAL LIFESTYLE IN CRIMEA

ABSTRACT

The method of obtaining and cartographic interpretation of information revealed in the process of studying rural areas of Crimea is considered. The rural territories of this region are presented as an alternative space to the traditional recreational use of the Crimean Peninsula. This approach made it possible to single out the geoconcept "Other Crimea". The boundaries of this territory have a complex – natural and administrative – character, which allowed us to identify key points of research with reference to the main landscape and geomorphological regions of Crimea. The program of research of rural territories of Crimea on two thematic blocks is proposed: identification of the transformational dynamics of the rural settlement system within the borders of the whole Crimea and identification of the problems of rural lifestyle within the "Other Crimea". The result of the study of the spatial-temporal picture of the rural settlement system in the Crimea was the map "Rural settlement of Crimea". The map illustrates the changes in the population of rural settlements and the density of rural settlement according to the results of the 1989–2014 censuses. Conclusions are drawn about the reduction of the network of rural settlements and depopulation of Crimean villages in the post-Soviet period; an increase in the proportion of small villages with a population of less than 200 people (28 %) and rural settlements with a population of more than 3,000 people (6 %); a change in the functions of coastal rural settlements from agricultural to recreational, which had a positive impact on their demographic situation; preservation of spatial unevenness of rural settlement of Crimea. The results of a sociological opinion poll of residents of 30 rural settlements in 14 municipal districts of the Republic of Crimea and in rural settlements within the boundaries of the federal city of Sevastopol are proposed. The rural lifestyle is illustrated by maps of the structure of the problem field of rural territories of Crimea and the prospects for residents of the peninsula to live in them; estimated income maps of rural residents and the typology of rural territories by income level. The main problems of the rural lifestyle in the non-recreational territories of the Crimea are revealed: the washing out of the peasant lifestyle, the reduction of personal farms of rural residents, increased mobility of rural residents, the perception of emigration from the villages of Prisivashye and the Kerch Peninsula as the main way to solve everyday, social and economic problems, the preservation of the severity of the problem of preserving the values of rural lifestyle among young people.

KEYWORDS: rural territories, rural lifestyle, social cartography, cartographic plot, Crimea

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Institute «Taurida Academy», Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Akademika Vernadskogo avenue, 4, 295007, Simferopol, Russia; *e-mail:* lomden@mail.ru

² V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Institute «Taurida Academy», Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Akademika Vernadskogo avenue, 4, 295007, Simferopol, Russia; *e-mail:* fusion10@mail.ru

³ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Institute «Taurida Academy», Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Akademika Vernadskogo avenue, 4, 295007, Simferopol, Russia; *e-mail:* yakovenko-tnu@ya.ru

ВВЕДЕНИЕ

Картографирование сельского образа жизни относится к наименее апробированному разделу социально-экономической картографии. Возможно, это связано с тем, что в отечественной общественной географии сельские территории чаще рассматриваются как пространственный базис рассредоточения аграрной функции в регионе. Образ жизни как система ценностных ориентиров сельского населения представляется исследователям сопутствующей информацией. Она как бы учтена самим фактом выбора людьми жизни вне городов. Но в истории России сельский образ жизни нередко становился индикатором социальных рисков и трансформаций. Вспоминается известная в советский период тенденция «сближения города и деревни», которая входила в перечень сакральных тем изучения советского общества. «Сближение» должно было происходить на фоне стирания различий между государственной и колхозно-кооперативной формами собственности. Одним из результатов этой социокультурной ломки стало вымирание советских, а затем и российских, деревень.

Отсутствие в большинстве современных атласных картографических изданиях сюжетов о предпосылках и самой трансформации сельского образа жизни замещается традиционными демографическими картами численного и половозрастного состава сельских жителей, реже – их национальных и конфессиональных характеристик. Социологи одними из первых почувствовали информационную неполноту знаний о сельских территориях. В трудах Т.И. Заславской прозвучала мысль об «...особом социокультурном мире, который не собирается исчезать; он вмещает многие миллионы людей, воспитанных в крестьянской культуре с ее особыми ценностями, свыкшихся с сельским образом жизни, и, что очень важно, выполняющих уникальные функции по отношению к обществу» [Заславская, 1999, с. 82].

Мир села – это пространство сохранения социокультурных корней страны, создающее феномен уникальности или «инаковости» территории. Вершиной российской классики географического изучения сельской местности признана книга В.П. Семенова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России», вышедшая в 1910 г. В этой работе впервые была проведена типология пространственных форм «русской оседлости». Попытка повторить упомянутую монографию в реалиях конца XX века была предпринята коллективом географов Института географии РАН в 2001 г., выпустивших исследование под динамичным названием «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен» [Город и деревня..., 2001]. В последней из упомянутых монографий собрано 100 авторских картосхем, иллюстрирующих динамику постепенного изменения не только расселенческих, но и сущностных, имеющих отношение к образу жизни людей, характеристик сельской России. В 2003 г. Т.Г. Нефедова выпустила монографию «Сельская Россия на перепутье», в которой основой исследования был выбран сельский образ жизни [Нефедова, 2003]. В последующем географические представления об образе жизни сельского населения были дополнены трудами А.И. Алексеева и С.Г. Сафронова [Алексеев, 1989, 1990; Алексеев, Сафронов, 2015, 2017], Н.В. Зубаревич [Зубаревич, 2013, 2017].

Отметим, что в перечисленных работах географов-обществоведов картографический метод исследования сельского образа жизни выполнял не основную, а дополнительную функцию, подтверждающую оценочные суждения авторов. Картографический метод привлекался для изучения сокращения занятости в сельском хозяйстве (деаграризация), роста роли селитебной и рекреационной функций сельских населенных пунктов, оттока населения в города, появление сезонно обитаемых поселений, поселений без трудоспособного населения и т.д. [Алексеев, Сафронов, 2015]. Пространственная картина этих явлений отражена в таких картах, как «Доля сельских населенных пунктов (СНП) без трудоспособных

жителей от общей численности СНП», «Доля сельских населенных пунктов с трудоспособным населением, в которых все занятые жители работают за пределами своего СНП», «Сельские населенные пункты без населения в 2010 г.» [Алексеев, Сафронов, 2017].

Картографические сюжеты, связанные с изучением изменений образа жизни в сельских поселениях, встречаются и в зарубежных изданиях. Например, в работе М. Войцика «Прошлое и современные ключевые проблемы исследований в области географии сельских поселений в Польше» приводится фрагмент карты «Типология поселений с рекреационной функцией в зоне субурбанизации Лодзи» [Wojcik, 2014]. Отдельные пространственные срезы сельской жизни в Северной Америке представляют аналитические карты, сопровождающие сайты специализированных организаций и публикации в СМИ. В их числе следует упомянуть карту Т. Фиша «Время в пути до ближайшего города (в минутах)» [Fish, 2021]¹, серию карт состояния здоровья в сельской местности на портале Информационного центра сельского здравоохранения США – Rural Health Information Hub Maps [RHHub, 2010]², карту Ф. Риззато «Мобильная связь в сельской местности» [Rizzato, 2019]³.

Можно констатировать отсутствие традиции составления картографических приложений в получивших распространение социологических исследованиях сельского образа жизни и в отечественной, и в зарубежной картографии. Это в значительной мере сужает возможности выявления особенностей территориальной дифференциации таких составляющих сельского образа жизни, как труд, быт, досуг, общественная и культурная жизнь. Слабая разработанность методик картографирования социологических опросов в отечественной науке имеет исторические корни, т.к. в период методологического расцвета отечественной тематической социально-экономической картографии в 1960–1980 гг. социологические методы не имели большой популярности и не рассматривались картографами и географами в качестве важного источника первичной информации. В зарубежном научном пространстве социальная картография распространялась, главным образом, на городскую среду, игнорируя социальные отношения в сельских территориях [Вавилина, 2015]. Несмотря на универсальность картографического метода, в современном научном пространстве в области социальных наук (в т.ч. и в практике применения метода соцопросов в географических исследованиях) не предложены стройные методики картографирования социальной реальности сельских территорий.

Целью статьи является интерпретация пространственной информации, полученной в ходе картографирования результатов социологического опроса сельского населения Крыма для расширения и корректировки методического аппарата общественно-географических исследований этой категории жителей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для изучения сельского образа жизни выбран Крымский полуостров. Эта территория традиционно исследуется географами как рекреационная, особенно в пределах трехкилометровой полосы вдоль побережий Черного и Азовского морей. Вместе с тем, три четверти площади Крымского полуострова занято так называемыми «глубинными районами», удаленными от морских побережий и выполняющими в системе расселения населения

¹ Fish T. Locating Rural America. 2021. Web resource: <https://fish.substack.com/p/locating-rural-america?s=r> (accessed 18.04.2022).

² RHHub Maps on Rural Health Status, 2010. Web resource: <https://www.ruralhealthinfo.org/rural-maps/health-status> (accessed 19.04.2022).

³ Rizzato F. Mobile experience in rural USA. An operator comparison. Web resource: <https://www.opensignal.com/2019/09/24/mobile-experience-in-rural-usa-an-operator-comparison> (accessed 19.04.2022).

Крыма преимущественно аграрную функцию. Эту территорию в своей работе мы обозначили как сельскую, не имеющую доминирующей рекреационной функции, позволяющую именовать ее геоконцептом «Иной Крым» в сравнении с пространством «Крыма курортного» [Швец и др., 2021]. В ландшафтном отношении это степные пространства, распаханые более, чем на 70 %. Южную границу сельского Крыма мы условно провели по линии Евпатория–Саки–Гвардейское–Кировское–Приморский.

Понимая, что в предгорной и горной частях Крыма имеются сельские поселения, в которых образ жизни людей отчасти подобен равнинным (степным), мы включили их в объект исследования нашей работы. Таким образом, сельские территории представлены в нашей работе сочетанием административных единиц в пределах компактного массива равнинных и фрагментированных рельефом предгорных и горных пространств Крымского полуострова. Административная соотнесенность сельских территорий позволила интерпретировать их статистические характеристики, возникшие в процессе проведения социологического опроса общественного мнения в их пределах.

Сельские территории Крыма, отнесенные нами к «Иному Крыму», концентрируют более 100 сельских поселений, в которых проживает более 60 % сельского населения полуострова. В июне 2021 г. авторами был проведен опрос общественного мнения жителей 30 сельских населенных пунктов в 14 муниципальных районах Республики Крым и в сельских населенных пунктах, входящих в пределы города федерального значения Севастополь. Все поселения были выбраны в качестве ключевых точек для интерпретации проблем, состояния и перспектив развития нерекреационных территорий Крыма. Пункты опроса отбирались по трем критериям: локализации в пределах разных типов ландшафтов Крыма; миграционной динамики населения в них и транспортной доступности административного центра до исследуемого населенного пункта (до 30 мин.; от 30 до 60 мин.; свыше 60 мин.).

В опросе общественного мнения использовалась стратифицированная выборка, в которой существенными критериями респондентов сельского населения в возрасте от 18 лет и старше являлись половозрастные и этнические характеристики. В качестве процедуры сбора социологических данных в исследовании применялся один из основных опросных методов – прямое индивидуализированное интервьюирование с использованием стандартизированной анкеты.

Общее число опрошенных составило 315 человек. Половая принадлежность респондентов представлена 43,2 % мужчин и 56,8 % женщин (половозрастная структура населения Республики Крым по итогам переписи населения 2014 г. зафиксировала мужчин – 45,9 %; женщин – 54,1 %, в городе Севастополь, соответственно – 46,2 % и 53,8 %). Этническая структура респондентов целевой аудитории распределилась следующим образом: русские – 53,7 %; украинцы – 21,6 %, крымские татары – 20,6 %, представители других национальностей – 3,8 %, отказавшиеся назвать национальность – 0,3 %. Возрастные когорты опрашиваемых были представлены так: 18–30 лет – 14,6 %; 31–45 лет – 23,8 %; 46–60 лет – 32,4 % и старше 60 лет – 29,2 %. Статистическая ошибка выборки в среднем составила 4,5 %.

Поскольку изучение сельского образа жизни в нашем исследовании носило комплексный характер, мы разделили его на два этапа:

- выявление и картографирование трансформационной динамики системы сельского расселения в границах всего Крыма;
- выявление и картографический анализ проблематики сельского образа жизни в пределах «Иного Крыма» по материалам социологического опроса.

Результаты второго этапа относятся к тематическому разделу социальной картографии, содержание которой связано с построением и использованием карт для изучения

пространственных закономерностей и особенностей развития социальной реальности и ее субъективного восприятия социальными группами. Методическая взаимообусловленность социологических исследований и картографического метода главным образом выражается в визуализации, экспликации и репрезентации результатов социологических опросов.

Анализ относительно редких примеров построения карт по материалам соцопросов позволил выявить следующие уровни использования картографического метода для целей социологических исследований:

- 1) методический уровень: карты характеристик точек наблюдений, выборки из территориальных операционных единиц соцопроса;
- 2) статистический уровень: карты, визуализирующие результаты соцопросов, их сводку и группировку;
- 3) аналитико-синтетический уровень: карты, отражающие результат выделения социально-территориальных общностей людей и фиксации их ключевых обобщающих характеристик;
- 4) оценочный уровень: карты, составленные на основе оценок респондентов или экспертов тех или иных особенностей исследуемой социальной реальности;
- 5) конструктивный уровень: прикладные социальные карты, отражающие предложения по решению выявленных проблем в среде изучаемых социальных групп на основе ответов представителей этих групп или экспертов.

Картографическая интерпретация проблематики сельского образа жизни в пределах «Иного Крыма», отраженная в данной работе, охватывает первые четыре уровня из вышеперечисленных.

При картографировании результатов соцопросов для целей общественно-географического исследования сложной методической задачей является выбор единиц картографирования. Отмеченная сложность заключается в несовпадении критериев членения территории для целей соцопроса и картографии. Для социологического опроса важно обеспечить репрезентативную выборку в среде изучаемого социума с учетом минимизации затрат на его проведение. В результате респонденты подбираются без обязательного охвата всех административных единиц. Для картографических работ важен показ пространственной дифференциации объектов, явлений и процессов в максимально наглядной форме с полным охватом территориальных единиц. В процессе картографирования сельского образа жизни в определенном регионе по материалам соцопросов, на наш взгляд, следует сочетать возможности статистического, присущего социологии, и социально-географического подходов к выбору единиц картографирования. Указанное сочетание подразумевает картографирование социально-территориальных общностей в виде социальных групп, обладающих единством проживания в районах с определенной хозяйственной освоенностью территории, геодемографическими характеристиками и фиксированными административными границами сельских поселений. Именно эти принципы были положены в основу членения сельского пространства Крыма.

В качестве программного обеспечения исследования использовались ГИС-программы ArcGIS и QGIS. База данных результатов опроса получила территориальную привязку и была синхронизирована с атрибутивными таблицами соответствующих векторных слоев. Дальнейшая работа над созданием картографических произведений представляла собой стандартный набор алгоритмов по работе с базами данных, настройке стилей векторных слоев и создания макетов карт. Разрабатывая сюжеты картосхем, авторы учитывали функцию и тематику вопросов анкеты соцопроса. Способы картографирования применялись в зависимости от типа вопроса в анкете. Для закрытых и полужакрытых простых вопросов

использовался способ картодиаграмм; для картографирования ответов на закрытые и полужакрытые сложные (многосоставные) вопросы были подобраны диаграммы матричного типа, обладающие высокой информационной емкостью. Выполненные картографические работы представляют собой пример обобщения в границах выделенных сельских районов Крыма социологических данных, полученных в отдельных пунктах, и их совмещения на комплексных аналитико-синтетических картах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На **первом этапе** исследования изучалась пространственно-временная картина сельского расселения в Крыму. С этой целью была привлечена картосхема «Сельское расселение Крыма», разработанная И.М. Яковенко в рамках проекта создания Атласа социокультурных процессов в Крыму [Атлас социокультурных процессов в Крыму, 2021] (рис. 1). Картосхема иллюстрирует изменение численности населения сел по результатам переписей 1989–2014 гг. Для передачи людности поселений и характера динамики численности населения использовался способ значков, при этом размер значка соответствует 8 градациям по людности на 01.01.2014 г., а цвет – масштабу роста или сокращения числа жителей за прошедшие между переписями 25 лет. Интенсивность красной окраски значков фиксирует рост числа жителей поселений на 6–50 %, на 50–100 %, на 101–200 % и на более чем 200 % соответственно. Аналогичный прием используется для отображения отрицательной динамики численности населения сельских поселений: снижение численности жителей на 6–20 %, на 21–50 %, на 51–80 %, на более чем 80 % передается нарастанием синей окраски значков. Значки белого цвета отмечают те сельские поселения, численность жителей которых в течение 1989–2014 гг. не изменилась или изменилась не более чем на + (–) 0,1–5 %.

Плотность сельского расселения и его роль в общественной организации территории исследовались с помощью построения двойной картограммы: в легенде матричного типа по вертикали фиксировалась плотность сельского населения (чел. на 1 кв. км) в градациях «менее 40», «40–100» и более 100; по горизонтали – удельный вес сельского населения в общей численности населения административных районов (%) в градациях «менее 20», «20–70», «более 70».

Анализ картосхемы сельского расселения Крыма позволил выявить следующие тенденции:

1. *Сокращение сети сельских населенных пунктов и депопуляция крымских сел в постсоветский период.* В 2014 г. в Крыму насчитывалось 1042 сельских населенных пункта. В 550-ти селах Крыма в 1989–2014 гг. население сократилось, в то время как положительная динамика людности отмечалась только в 247-ми сельских населенных пунктах. Наиболее драматично процесс депопуляции развивался в северных, степных районах полуострова: за отмеченный период число жителей сократилось в 285-ти поселениях, а выросло лишь в 55-ти.

2. *Изменение структуры сельских поселений по их людности.* Увеличился удельный вес малых сел с численностью населения менее 200 чел. (28 %) и сельских поселений с числом жителей более 3000 чел. (6 %).

На крупные села людностью более 1000 чел. приходится около 30 % всех сел и более 70 % сельского населения Крыма. Крупные сельские поселения сосредоточены в районах с курортной специализацией – Южном, Юго-Восточном и Западном побережьях Крымского полуострова.

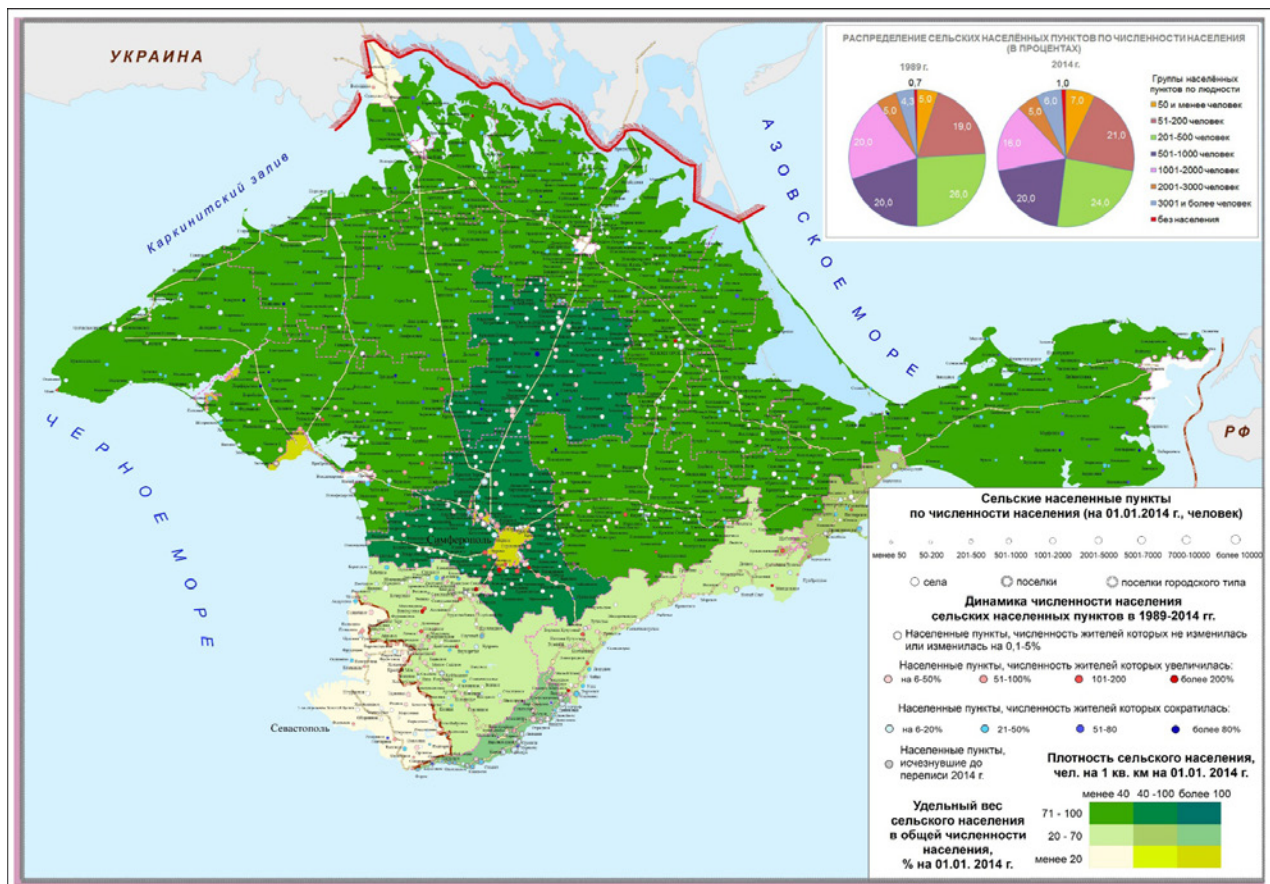

Рис. 1. Сельское расселение Крыма в Атласе социокультурных процессов в Крыму, 2021
 Fig. 1. Rural settlement in Crimea in the Atlas of socio-cultural processes in Crimea, 2021

3. Изменение функций ряда сельских населенных пунктов с сельскохозяйственной на рекреационную положительно сказывается на их демографической ситуации. Рост численности населения зафиксирован в 55 приморских селах.

4. Рост уровня рурализации территории Крыма. В течение постсоветского периода удельный вес сельского населения сокращался вследствие приоритетного развития индустриальных и рекреационных функций, сконцентрированных в городских населенных пунктах, деструктивных явлений в сельском хозяйстве и оттока части сельского населения в города. После вхождения Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. изменение соотношения городского и сельского населения в пользу последнего было обусловлено принятием Закона Республики Крым от 6 июня 2014 г. № 18-ЗРК «Об административно-территориальном устройстве Республики Крым», статьей 5 которого статус поселков городского типа (пгт) был отменен, а пгт отнесены к категории сельских населенных пунктов. В связи с этим в 10-ти из 14-ти муниципальных районов Республики Крым удельный вес сельского населения составляет 100 %.

5. Сохранение пространственной неравномерности сельского расселения Крыма. Высокой плотностью сельского населения (90–200 чел. на 1 кв. км) отличаются городские округа Ялта, Евпатория и Симферопольский муниципальный район. В Горном Крыму сеть поселений редкая, и показатель плотности не превышает 10 чел. на 1 кв. км [Яковенко, 2020].

На **втором этапе исследования** были получены картографические сюжеты, описывающие проблемное поле сельских территорий Крыма, их пространственную мобильность и доходы.

На рисунке 2 картодиаграммы матричного типа отражают перечень основных проблем исследуемой сельской местности Крыма и степень их проявленности по частоте ответов. По иерархии и остроте анализируемых проблем выделенные сельские районы Крыма имеют черты общности. Наиболее близки по набору проблем Степной Крым и Присивашье с Керченским полуостровом. В этих сельских районах наиболее проявлены безработица и нехватка рабочих мест, низкие доходы, слабая доступность медицинских услуг, отдаленность или отсутствие аптек, плохое качество дорог. Для жителей Присивашья и Керченского полуострова высокую актуальность имеют проблемы газификации, что роднит эти территории с Предгорным Крымом (первое место в рейтинге проблем). Кроме того, в Предгорном Крыму сельских жителей волнует безработица и нехватка рабочих мест, низкие доходы, отсутствие центрального водоснабжения и канализации. Перечень и степень проявленности основных проблем сельской местности Предгорного и Горного Крыма, наиболее близко расположенного к урбанизированным и главным рекреационным территориям полуострова, в оценках местных жителей отличаются от более периферийных и депрессивных сельских территорий. Обобщение всех характеристик проблемного поля дало интегральный уровень проявленности проблем в сельской местности, который распределился следующим образом: в Предгорном Крыму – низкий уровень, в Степном Крыму – средний уровень, в Присивашье и Керченском полуострове – высокий уровень.

На анализируемой картосхеме (рис. 2) помещена оценка респондентов относительно перспектив проживания в сельской местности (частота ответов респондентов показана круговыми картодиаграммами). Совмещение данной оценки и характеристик проблемного поля сельской местности дает представление о ценности и привлекательности проживания в исследуемых территориях:

- наибольшая доля респондентов, считающих, что жизнь в сельской местности не имеет перспективы и надо перебираться в город, больше всего в Присивашье и Керченском полуострове (32 %, что вдвое больше, чем в двух других районах);

- наиболее позитивно сельский образ жизни воспринимают жители Предгорного Крыма, в этом районе модельную группу (частота ответов 44,4 %) составляют выбравшие ответ: «Проживание в сельской местности, несмотря на существующие проблемы, имеет перспективы»;

- наибольшая часть респондентов (46,6 %) Степного Крыма отмечали, что надо решить проблемы села, чтобы жизнь в сельской местности была перспективной.

Описанный выше социологический портрет проблем сельской местности в целом совпадает с реальной внутрорегиональной миграционной ситуацией в Крыму: проблема миграционного оттока населения из сел имеет наибольшую остроту в периферийных сельских местностях Присивашья, Керченского полуострова и северной части Степного Крыма.

Следствием нарушения баланса между размещением производства, объектов социальной инфраструктуры и расселением населения, а также контрастов в уровне жизни различных территорий Крыма, является пространственная мобильность сельских жителей. При изучении пространственной мобильности сельских жителей, определяемой на основе результатов соцопроса, возможен вариант сочетания на одной картосхеме показателей частоты и причин поездок за пределы села (рис. 3).

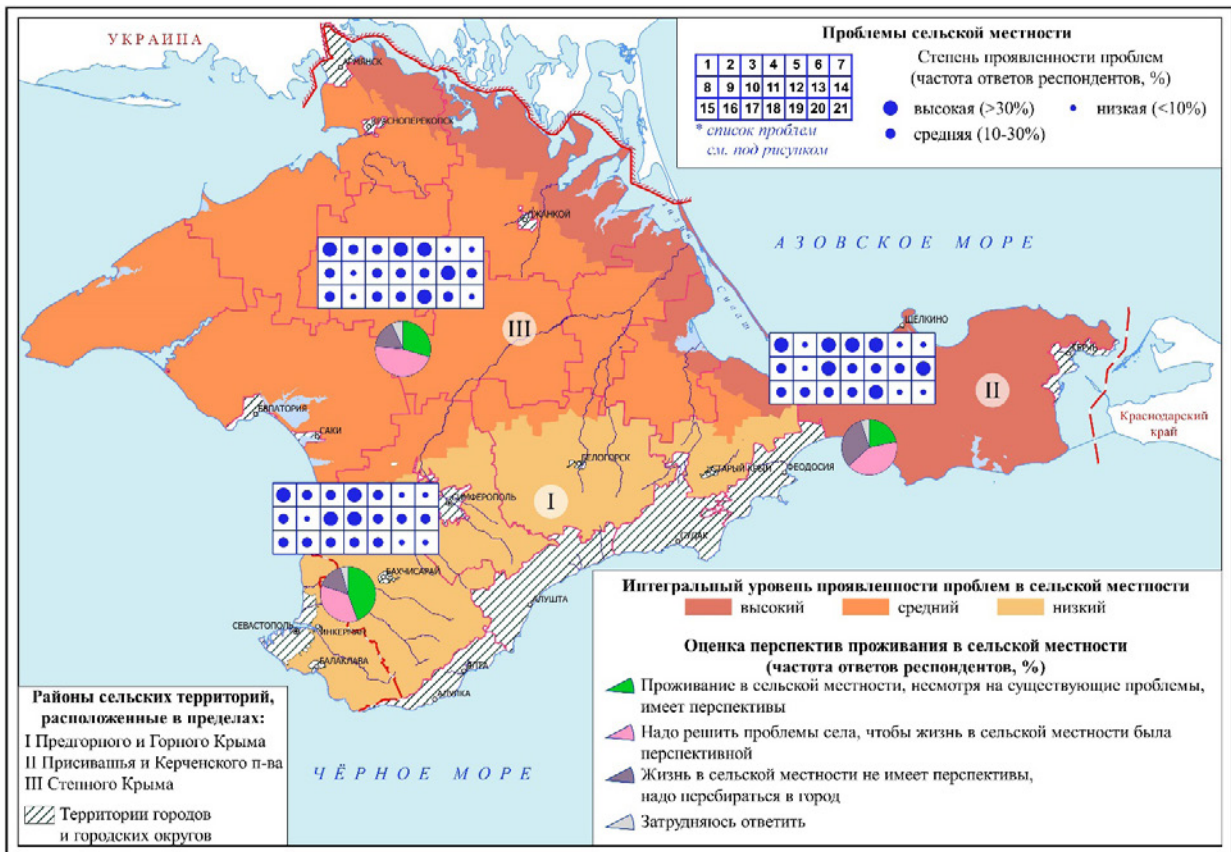

Рис. 2. Проблемное поле сельских территорий Крыма (по оценкам респондентов)

Fig. 2. Problems of rural areas of Crimea (according to respondents' estimates)

*Проблемы сельской местности:

- 1 – безработица, нехватка рабочих мест;
- 2 – загрязненность окружающей среды;
- 3 – недоступность медицинских услуг;
- 4 – низкие доходы (зарплаты, пенсии);
- 5 – отдаленность или отсутствие аптек;
- 6 – отдаленность или отсутствие детских садов;
- 7 – отдаленность или отсутствие торговых точек;
- 8 – отдаленность или отсутствие учреждений культуры, мест отдыха;
- 9 – отдаленность или отсутствие школ;
- 10 – отсутствие газификации;

- 11 – отсутствие центрального водоснабжения и канализации;
- 12 – отсутствие тротуаров;
- 13 – отсутствие или недостаток банкоматов;
- 14 – отсутствие или недостаточная освещенность общественных мест;
- 15 – отсутствие организаций по оказанию бытовых услуг;
- 16 – отсутствие условий для занятий физкультурой и спортом;
- 17 – отсутствие условий для развлечения детей;
- 18 – плохая организация общественного транспорта;
- 19 – плохое качество дорог;
- 20 – плохая организация работы ЖКХ;
- 21 – нет проблем.

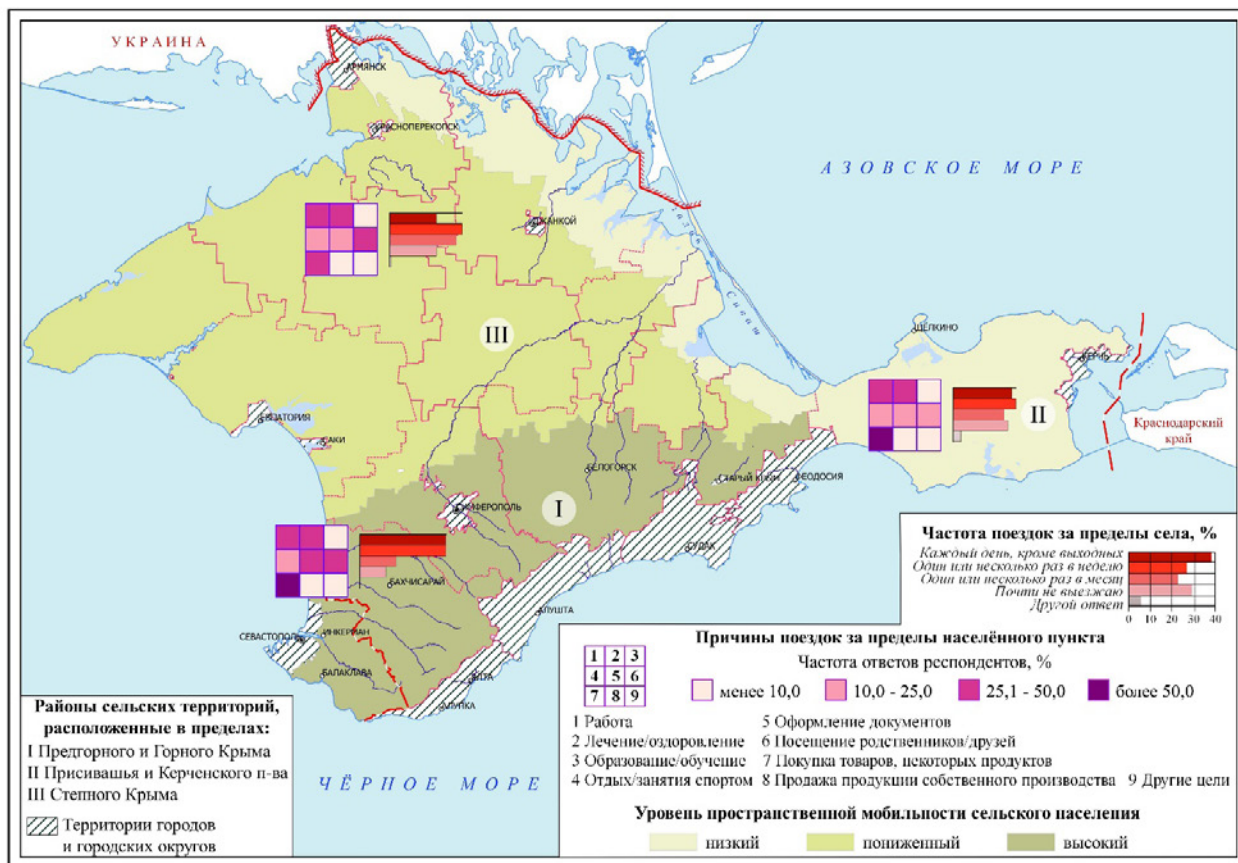

Рис. 3. Частота и цели поездок за пределы населенного пункта жителей сел разных районов Крыма

Fig. 3. The frequency and purpose of trips outside the settlement of residents of villages in different regions of Crimea

Полученные результаты свидетельствуют о высокой мобильности населения исследуемых территорий полуострова: более половины респондентов в селах Крыма (57,4 %) выезжают за пределы своего населенного пункта ежедневно или еженедельно. Перечень главных целей поездок респондентов оказался идентичным для сел рассматриваемых нами районов: покупка товаров, поиск работы, лечение, оздоровление и оформление документов. Но частота ответов по этим позициям среди сельских районов полуострова разная.

Обобщение частных показателей позволяет определить уровень пространственной мобильности жителей сельских районов Крыма: Предгорный и Горный Крым следует относить к сельским районам с высокой пространственной мобильностью населения, Степной Крым – к району с пониженной пространственной мобильностью сельского населения, а Присивашье и Керченский полуостров – к району с относительно низкой мобильностью сельского населения. Повышенная мобильность жителей Предгорного и Горного Крыма отчасти объясняется тем, что городские поселения – Симферополь, Севастополь и южно-бережные курорты – вовлекают население этих территорий в свою систему перемещений, которая отличается от маятниковых миграций в более периферийных сельских районах Крыма. В результате наиболее мобильное население Предгорного Крыма ведет смешанный сельско-городской образ жизни.

Экономическая составляющая сельского образа жизни определяется особенностями аграрных отношений и уровнем доходов сельских жителей. Для выявления указанных характеристик жителям сельских районов Крыма были заданы соответствующие вопросы. Анализ и картографирование ответов респондентов позволили выявить следующие особенности дифференциации сельских территорий Крыма по уровню доходов (рис. 4).

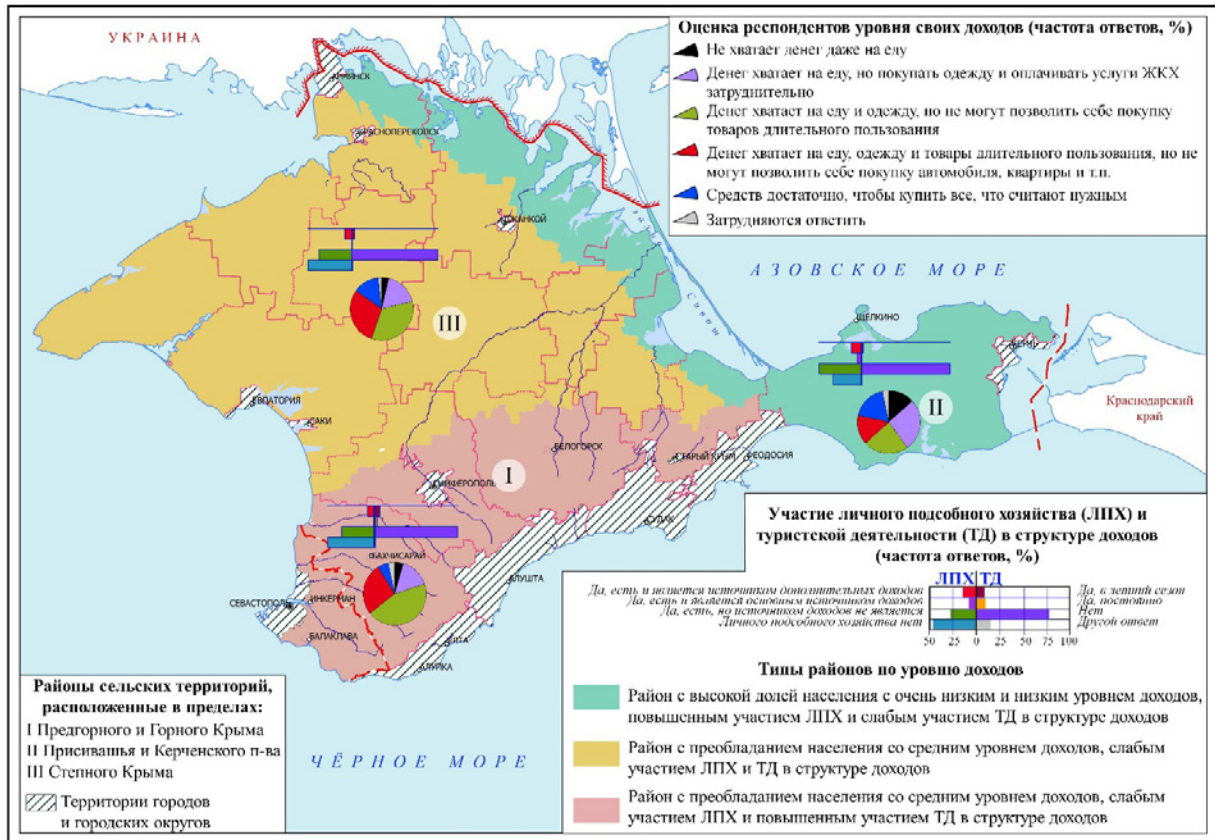

Рис. 4. Доходы жителей сел разных районов Крыма

Fig. 4. Incomes of residents of villages in different regions of Crimea

Наименее обеспеченными себя ощущают респонденты Присивашья и Керченского полуострова, т.к. жители этого района часто (в совокупности 40 % респондентов) определяли уровень своих доходов как очень низкий («Не хватает денег даже на еду») и низкий («Денег хватает на еду, но покупать одежду или оплачивать услуги ЖКХ затруднительно»). В Степном, Предгорном и Горном Крыму основная часть респондентов отмечала средний уровень своих доходов. В Предгорном и Горном Крыму доля респондентов с наиболее высокими доходами существенно ниже (5,6 %), чем в других районах. Наиболее контрастные различия по уровню доходов отмечаются в паре районов Горно-Предгорный Крым и Присивашье с Керченским полуостровом. Полученные оценки уровня доходов свидетельствуют о существовании проблем социального неравенства в среде сельских жителей Крыма, а также являются отражением эффектов «социальной желательности» (респондент не хочет признаваться в существующих трудностях) и заниженного уровня требований у сельских жителей наиболее депрессивных территорий, привыкших довольствоваться малым [Швец и др., 2021].

Обобщая ответы респондентов о доходах и участии в них личного подсобного хозяйства (ЛПХ) и туристской деятельности (ТД) картографируемые сельские районы Крыма можно охарактеризовать следующим образом:

- Присивашье и Керченский полуостров – сельский район с высокой долей населения с очень низким и очень высоким уровнем доходов, повышенным участием ЛПХ и слабым участием ТД в структуре доходов;
- Степной Крым – район с преобладанием населения со средним уровнем доходов, слабым участием ЛПХ и ТД в структуре доходов;
- Предгорный и Горный Крым – район с преобладанием населения со средним уровнем доходов, слабым участием ЛПХ и повышенным участием ТД в структуре доходов.

Полученный экономический образ сельских районов Крыма в целом согласуются с реальными особенностями их хозяйственного освоения.

ВЫВОДЫ

Картографические методики сопровождения исследований на стыке географии и социологии к настоящему моменту разработаны слабо. Использование пространственно распределенных баз данных для обработки и анализа результатов социологических опросов и их последующая картографическая экспликация позволяют расширить объяснительную базу общественной географии. Аналитико-синтетические карты, по сравнению с результирующими таблицами отчетов соцопросов, устанавливают причинно-следственные связи с учетом территориальных отношений и эффектов, возникающих в определенных географических условиях.

На основе опыта применения картографического метода в изучении сельского образа жизни в различных районах Крыма по материалам соцопроса можно сформулировать следующие ключевые методические принципы:

1) при выборе единиц картографирования и в процессе генерализации и обобщения социологических данных следует совмещать статистический и социально-географический подходы;

2) способы картографирования необходимо подбирать, исходя из типа и структуры вопросов соцопроса. Часто опросники состоят из сложных вопросов, которые наиболее наглядно картографировать с помощью матричных диаграмм. Поскольку сложные матричные диаграммы приходится выполнять в полуавтоматическом или даже ручном режиме, IT-специалистам в сфере ГИС следует ставить задачи разработки специальных модулей для упрощения процедуры моделирования подобных способов изображения на картах;

3) картографируя результаты соцопросов, следует переходить от простых аналитических карт к комплексным аналитико-синтетическим. На таких картах могут быть отражены результаты ответов респондентов, показанные картодиаграммами, локализованными значками и др., способом качественного фона могут быть изображены результаты обобщения характеристик сельских районов в виде типологий и классификаций;

4) полный комплекс картографирования результатов социологических исследований территорий включает в себя методический, статистический, аналитико-синтетический, оценочный и конструктивный уровни картографирования с соответствующими сюжетами карт.

На Крымском полуострове сформировалась особая категория сельских территорий, отличающаяся повышенной пространственной мобильностью населения, вымыванием крестьянского образа жизни, непривлекательностью и слабой перспективностью сельского образа жизни в представлениях местных жителей – «Иной Крым». Этой части Крыма свойственен такой характер социального самочувствия, при котором теряется сама цен-

ность проживания на данной территории. Наиболее ярко данная характеристика проявлена в селах Присивашья и Керченского полуострова, по ряду направлений в Степном Крыму, в отдельных сельских локалитетах Предгорного Крыма, не вовлеченных в урбанистические процессы крупных и средних городов.

Результаты исследования имеют прикладное значение. Их можно рассматривать как картографическое приложение к обоснованию стратегий развития сельских территорий Крыма в процессе их взаимодействия с городскими центрами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.И.* География сельской местности. Новое в жизни, науке, технике. Науки о Земле. М.: Знание, 1989. № 3. 48 с.
2. *Алексеев А.И.* Многоликая деревня: население и территория. М.: Мысль, 1990. 266 с.
3. *Алексеев А.И., Сафронов С.Г.* Изменения сельского расселения в России в конце XX – начале XXI в. Вестник Московского ун-та. Серия 5: География. 2015. № 2. С. 66–76.
4. *Алексеев А.И., Сафронов С.Г.* Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации. Вестник Московского ун-та. Серия 5: География. 2017. № 6. С. 55–61.
5. Атлас социокультурных процессов в Крыму / под ред. И. Н. Воронина, И. М. Яковенко, А. Б. Швеца, Д. А. Вольхина. Симферополь: «АРИАЛ», 2021. 195 с.
6. *Вавилина Н.Д., Скалабан И.А.* Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 301 с.
7. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Монографический сборник / ред.-сост. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. М.: ОГИ, 2001. 560 с.
8. *Заславская Т.И.* Страницы творческой биографии. Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли (1950–1990-е гг.). М., 1999. С. 37–82.
9. *Зубаревич Н.В.* Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности. Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 3. С. 26–38.
10. *Зубаревич Н.В.* Развитие сельских территорий России, социальные и гендерные проблемы. Международный сельскохозяйственный журнал. 2017. № 2. С. 12–14.
11. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
12. *Швец А.Б., Киселева Н.В., Воронин И.Н., Вольхин Д.А., Яковлев А.Н.* Сельские территории Крыма: границы и содержание образа. Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7 (17). Вып. 3. С. 128–153.
13. *Яковенко И.М.* Анализ и картографирование многолетней динамики сельского расселения в Крыму. Геополитика и экодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). Выпуск 3. С. 58–70.
14. *Wojcik M.* The past and contemporary key research in rural settlement geography in Poland. Spatial development of contemporary Poland. Lodz University Geographical Research / ed. by Tadeysz Marszal - Lodz: Lodz University Press, 2014. P. 119–160.

REFERENCES

1. *Alekseev A.I.* Geography of rural areas. New in life, science, technology. Ser. “Earth Sciences”. Moscow: Znanie, 1989. No. 3. 48 p. (in Russian).
2. *Alekseev A.I.* The many-faced village: population and territory. Moscow: Mysl, 1990. 266 p. (in Russian).
3. *Alekseev A.I., Safronov S.G.* Changes in rural settlement in Russia in the late XX – early XXI century. Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography. 2015. No. 2. P. 66–76 (in Russian).

4. *Alekseev A.I., Safronov S.G.* Typology of rural settlements of the European part of Russia in the modern demographic and socio-economic situation. Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography. 2017. No. 6. P. 55–61 (in Russian).
 5. Atlas of socio-cultural processes in the Crimea. Edited by I.N. Voronin, I.M. Yakovenko, A.B. Shvets, D.A. Volkhin. Simferopol: “ARIAL”, 2021. 195 p. (in Russian).
 6. City and village in European Russia: a hundred years of change. Monographic collection Ed. by T. Nefedova, P. Polyanyan, A. Treyvish. M.: OGI, 2001. 560 p. (in Russian).
 7. *Nefyodova T.G.* Rural Russia at the crossroads: Geographical essays. Moscow: New Publishing house, 2003. 408 p. (in Russian).
 8. *Shvec A.B., Kiselyova N.V., Voronin I.N., Vol'hin D.A., Yakovlev A.N.* Rural territories of Crimea: borders and the content of the image. Geopolitics and ecogeodynamics of regions. 2021. Vol. 7 (17). Issue 3. P. 128–153 (in Russian).
 9. *Vavilina N.D., Skalaban I.A.* Social mapping: a research method and a tool for the development of the territory. Novosibirsk: Sibprint, 2015. 301 p. (in Russian).
 10. *Wojcik M.* The past and contemporary key research in rural settlement geography in Poland. Spatial development of contemporary Poland. Lodz University Geographical Research. Ed. by Tadeusz Marszal - Lodz: Lodz University Press, 2014. P. 119–160.
 11. *Yakovenko I.M.* Analysis and mapping of the long-term dynamics of rural settlement in the Crimea. Geopolitics and ecodynamics of regions. 2020. Vol. 6 (16). Issue 3. P. 58–70 (in Russian).
 12. *Zaslavskaya T.I.* Pages of creative biography. The reformist trend in the domestic agrarian and economic thought (1950–1990s). Moscow, 1999. P. 37–82 (in Russian).
 13. *Zubarevich N.V.* Transformation of rural settlement and the network of services in rural areas. Izvestiya RAS. Geographical series. 2013. No. 3. P. 26–38 (in Russian).
 14. *Zubarevich N.V.* Rural development in Russia, social and gender issues. International Agricultural Journal. 2017. No. 2. P. 12–14 (in Russian).
-